

Светлана Внукова

ЖУРНАЛИСТ ПЛОМПЕР, или СМОКТУНОВСКИЙ В САМАРЕ

РАССКАЗЫВАЕТ БОРИС КОЖИН

Арон Яковлевич Пломпер...Когда он шел по Самаре, этот старик, шел в своей вечной блузе с огромными карманами, набитыми самыми разными газетами, все, все, кто его видел, останавливались и смотрели вслед. Некоторые шли за ним, чтобы побыть рядом. Его давно уже нет на этой Земле, но многие журналисты, и не только журналисты, помнят Арона Яковлевича Пломпера.

Он родился в 1902 году. В Историко-культурной энциклопедии Самарского края написано: «умер после 1958 года». Как-то так, будто речь идет о XIV-XV веках. Конечно, после 1958го. Но только в 1974м и 1975м годах он был еще жив. И жил в Самаре.

В Самаре о Пломпере рассказывали легенды. Рассказывали, что он был секретарем у Троцкого, что никогда от троцкизма не отказывался, хотя в энциклопедии написано, что в 35м году он официально отказался от троцкизма.

Пломпер был троцкист и то и дело сидел. То и дело его ссылали. Он был в ссылке в Воркуте, в Нарыме, в Ташкенте. Вернулся, снова арестовали. В 1940 году попал в Самару — родом он не отсюда, здесь жили его родственники. В 1949 году снова был арестован. Снова отпущен. После XX съезда партии его реабилитировали.

Сам Пломпер об этом рассказывал мало, только когда просили. Но если рассказывал, то невозможно было оторваться от повествования Пломпера — Пломпер все знал, все помнил.

Пломпер знал все. И помнил обо всем. Это был энциклопедически образованный человек. Тихий, спокойный, медленнодвигающийся по городу...Бедняк. У него денег не было совсем. У него была очень маленькая пенсия. Ему некогда было работать, он все время

отбывал в отдаленные и не столь отдаленные места. Вернувшись работал, конечно, но зарабатывал мало. У нас он снабжал «Волжскую коммуну» всевозможными информационными материалами. Потом его приютило наше радио. Он и его снабжал «информашками». По два шестьдесят за штуку. Иногда по три рубля.

Денег у Пломпера было мало, но он всегда выписывал очень много газет. Думаю, все деньги, ну, почти все у него уходило именно на газеты. Так как он жил в Москве какое-то время, то любил читать «Вечернюю Москву» и выписывал газету сюда, в Самару. Она приходила из Москвы, конечно же, не в день выпуска. Но для Пломпера это не имело значения — он хотел знать, что происходит в столице. И знал. Пломпер знал все. И всех. Ну, вот один из примеров.

Сюда на гастроли приехал театр имени Маяковского. С театром приехал Лев Свердлин, один из известнейших актеров, много снимался в кино, в таком, например, знаменитом в свое время фильме, как «Волочаевские дни». Свердлина пригласили на радио. Встретиться с журналистами. Свердлин туда пришел, ему задавали уйму вопросов, и был среди них один «редко» встречающийся вопрос о том, где Свердлин начинал, как актер.

«Свердлин задумался, - рассказывал Борис Гинзбург, диктор нашего радио (мы с ним дружили), - задумался, а потом говорит: «Вам правду сказать?» - «Правду». - «Не помню».

«Не помню», - говорит Свердлин, а Пломпер, - рассказывает Гинзбург, - сидел в первом ряду. Вытянул свои перебитые, больные ноги, в своей этой блузе, весь в газетах, и дремлет. Дремлет! И вдруг открывает глаза и говорит: «Вы первый раз сыграли у Лебедева. Бы такой режиссер в Москве. Вы у него играли в «Журафле-Журафля». Я вас помню». Сказал и снова закрыл глаза. Свердлин был ошарашен: «Действительно Лебедев. Действительно «Журафле-Журафля».

Это только один пример. А вот второй.

К нам в Куйбышев приехал на гастроли Ленинградский ТЮЗ. Главным режиссером ТЮЗа был Зиновий Корогодский. Это был один из самых известных режиссеров, и Ленинградский ТЮЗ был одним из самых известных театров в стране. Попастъ на спектакли ТЮЗа в Ленинграде было невозможно. И вдруг этот театр в Куйбышеве.

Я знал, что это за театр. Я пошел, купил билеты сразу на несколько спектаклей и ни в коем случае не пожалел об этом — все, что ставил Корогодский в ТЮЗе, было ослепительно высоко! По всем статьям.

Так вот, на первом же спектакле в фойе я увидел Пломпера. Пломпер шел в своей неизменной блузе, из карманов торчали газеты, и, конечно же, «Вечерняя Москва». Я с ним поздоровался, а он говорит: «Очень хорошо, что вы пришли. Я Корогодского знаю давно. Знал, когда он был еще совсем молодым. Спектакли Корогодский привез хорошие, и вы правильно сделали, что взяли билеты на все».

Сказал и пошел дальше. Пломпер, который знает Корогодского с его, Корогодского, молодости, а Корогодский уже давно не молод. И про все его спектакли знает. И будет на всех. На всех! Нет, денег у Пломпера на билеты нет. Но они знакомы с Корогодским. Да у него и не спрашивали никогда, у Пломпера, в самарских театрах билетов. Это легенда Самары — Пломпер! Пломпер пришел — Пломперу можно пройти. И Пломпер проходит. Садится, как всегда, в первом ряду, как всегда, вытягивает свои больные ноги и, как всегда, начинает дремать. Но мы-то уже знаем, что это только видимость. Что он на самом деле не спит. Пломпер, который все знает, все помнит, никогда не ошибается и не спеша ходит по городу, который считает его легендой.

Пломпер не спеша ходит по Самаре, а Самарская студия кинохроники снимает в это самое время фильм «Болдино». Про Пушкина. Автор сценария — Борис Кожин, режиссер — Борис

Свойский... Сняла. Фильм готов, нужно начитать дикторский текст. И вот здесь начинается скандал.

Сначала дикторский текст к этому фильму читает Юрский. Мы записываем Юрского и едем в Москву сдавать фильм. В Госкино. А сдаточный период любого фильма — это страшная нервотрепка.

Не понравилось. Не понравилось, как прочитал текст Сергей Юрский. Скажу вам: хорошо прочитал, но не понравилось. И фильм не был принят. «Все оставить, как есть, а дикторский текст пусть прочитает кто-то другой».

Фильм не принят, план горит, Свойский приезжает из Москвы. «Что будем делать? Может, — говорит, — попросим Смоктуновского?» — «Давай, — говорю, — попробуем».

Смоктуновский не раз читал дикторские тексты. Особенно связанные с литературой. Всего «Евгения Онегина» по центральному радио прочел. Беру справочник Союза кинематографистов, нахожу номер домашнего телефона, звоню. «Иннокентий Михайлович, так и так: наша студия...Болдино,..Пушкин... дикторский текст» — «Я очень дорогой актер», — говорит Смоктуновский. «Мы заплатим». — «Ну что ж, я — с удовольствием. Вот только когда смогу быть в Самаре? Хотя, знаете что...В Самаре будет «Товарищ кино», я — в программе. Но вот когда мы поедем, пока неизвестно. Звоните. Договорились?»

«Товарищ кино» — так назывались встречи актеров со зрителями. Актеры ездили по городам и выступали в Домах культуры, Дворцах спорта. Рассказывали о себе, показывали отрывки из фильмов, декламировали. Толпы людей приходили, всем это очень нравилось, все хотели увидеть живых героев любимившихся фильмов.

Время проходит, звоню, как договаривались, Смоктуновскому: «Иннокентий Михайлович, как наше дело?» — «Я не отказываюсь, но, видите ли, я заболел и, наверное, не приеду вместе со всеми

актерами. Но, может быть, и приеду. Давайте попробуем еще раз с вами созвониться. Все-таки мне хочется прочитать о Пушкине».

Созваниваемся в третий раз, четвертый — «Занят, но очень хочется прочитать, может, все-таки приеду. Звоните». А в это время работает у нас на студии главным редактором Алексей Алексеевич Солоницын. Он говорит: «Слушайте, ну мы так вечно можем ждать. Толя в гости ко мне приезжает, давайте я его попрошу».

Толя — это актер Анатолий Солоницын, родной брат Алексея Солоницына. «Андрей Рублев», «Зеркало», «Солярис», «Проверка на дорогах»... Уйма, уйма великолепных картин! Ослепительный актер. Приезжает, приходит на студию, скромнейший человек, стеснясь, говорит: «Ну, давайте попробуем». И прекрасно читает текст. Прекрасно!

Записываем, Солоницын уезжает, проходит еще два-три месяца, и вдруг кругом — «Товарищ кино»! Приезжают актеры такие-то, такие-то... С отрывком из «Гамлета», из фильма «Гамлет» приезжает Смоктуновский. Надо бы ему сказать, что мы записали дикторский текст к «Болдино». Попросить извинения, сказать, что больше мы ждать не могли...

Актеры остановились в гостинице «Волга». Звоню, трубку берет Смоктуновский. «Это Борис Александрович? Как хорошо, что вы позвонили. Наконец, я в Самаре, и я к услугам студии. С семи до одиннадцати у нас концерт во Дворце спорта. Но можно и после одиннадцати, и есть воскресенье. В воскресенье выезд в Тольятти. Но я могу не поехать, я приду к вам и...» Я говорю: «Иннокентий Михайлович, можно мне два слова? Вы же в кино много снимались. Вы же знаете, что кино — это план. Мы записали».

Он не спрашивает кого. На том конце провода — лед. «Иннокентий Михайлович, не обижайтесь. Ну, пожалуйста». Он: «Мы закончили с вами разговор. Я очень занят, больше меня не беспокойте. Не беспокойте, но имейте в виду, что я бы фильма вам не испортил». Говорит и вешает трубку. Я тоже вешаю, наливаю воды, пью...Телефонный звонок.

Снимаю трубку. Звонит ответственный секретарь Куйбышевского отделения Союза журналистов Нина Николаевна Абрамова. Уникальный человек, прекрасная женщина, кричит в трубку (тогда Союз журналистов был в Доме печати, вот оттуда кричит): «Ты не забыл, что сегодня вечером вы принимаете журналистов?!» Я забыл, напроочь забыл со звонком Смоктуновскому, но говорю: «Не забыл». Объясняю, в чем дело.

Дело в том, что голова у Абрамовой всегда была полна всяких идей и в свое время она придумала прекрасную штуку. Раз в неделю в Доме актера собирать самарских журналистов на вечера, устраивали бы которые всякий раз разные первичные журналистские организации. Скажем, редакция «Волжской коммуны». Или студия телевидения. В первом отделении вечера организатор представляет себя, журналисты рассказывают о своей работе, а на второе, что после антракта, какого-нибудь интересного гостя приглашают.

Вечера были замечательные, и приходили на них не только журналисты, и зал всегда был полон. И всегда все были заинтригованы, потому что имя гостя до второго отделения вечера держалось в строжайшей тайне. И вот настал черед Самарской студии кинохроники, а я забыл. Мне было совсем не до этого. Забыл, но говорю, что помню. Кладу трубку и тут же хватаюсь за голову: что делать? Ну покажем мы в первом отделении свои фильмы, расскажем о студии. «А что с гостем? С гостем-то что?! - думаю я и вспоминаю, что здесь, в Самаре, «Товарищ кино».

А в это время еще одним редактором у нас — Лидия Плотникова. Высокая, красивая. «Слушай, - говорю ей, - давай запущу тебя к Смоктуновскому, и ты его пригласишь на встречу с журналистами. Только не надо про «Болдино». Про «Болдино» не надо. Пойди, пригласи, скажи, что ему заплатят». Она: «С удовольствием!»

Она слышала мой разговор со Смоктуновским, но ей наплевать - «пойду!» И она идет. Она ушла, а я жду. Возвращается и спокойно так говорит: «Он меня выставил. Выгнал вон. Сказал, что больше не хочет иметь дело ни с какими журналистами. Что студия

кинохроники его подвела. Еще сказал, что у него болит голова и вообще он занят — работает над большой статьей для газеты «Правда» и никаких журналистов видеть не хочет. И никогда не придет. Никогда! «Об этом просто не может быть речи! Оставьте, — сказал, — меня в покое и убирайтесь!» Он мне так и сказал: «Убирайтесь!» И я убралась. Что будем делать?» — «Будем, — говорю, — искать другого гостя. Без гостя нельзя никак».

Концерты «Товарищ кино» всегда устраивало Бюро пропаганды советского киноискусства. Они у нас за стенкой сидели, и я их спрашиваю: «Кто еще, кроме Смоктуновского, в программе?» — «Вицин», — говорят. Звоним в «Волгу» Вицину. Интеллигентнейший голос, объясняю ситуацию, сожалеет: «Никак. Ну, никак. Температура тридцать девять. Я бы с удовольствием, но сил нет никаких». И просит извинения.

«А вот еще Глебов есть», — говорят в бюро пропаганды. — Он согласится», — говорят и обещают после встречи со зрителями нам его привезти. Глебов сыграл Григория Мелехова в фильме Герасимова «Тихий дон». Мы говорим: «Давайте Глебова!»

Дом актера. Семь часов. Журналисты собираются на традиционный свой вечер, в фойе стоит Пломпер. Раз встречается журналистская братия, Пломпер — тут. Это уж обязательно. Блуза, ворох газет — Пломпер в форме. Видит меня: «Очень рад, что вы уже пришли, Борис Александрович. Мне надо с вами срочно поговорить. К вам приезжает Смоктуновский. Смоктуновский едет к вам. Он здесь, в Доме актера будет».

Когда перед вами Пломпер, удивляться не надо. Я и не удивляюсь, только спрашиваю: «А почему вы думаете, что он приедет?» — «Да я ведь Кешу знаю давно. Я с его родителями был знаком в Красноярске. Он в Самару приехал, я подумал, что надо навестить — у меня к нему много всяких претензий. Прихожу, смотрю: страшно рассержен. «Что с тобой, — говорю, - Кеша?» — «Да вот, — говорит Кеша, — только что выкинул отсюда очень красивую женщину. Очень красивая, но вышвырнул. Пришла и говорит: «Надо встретиться с журналистами». Я ее спросил: «Откуда вы?»»

Сказала, что со студии кинохроники. А меня студия кинохроники только что так подвела! Записала в фильме о Пушкине кого-то другого. Подвела, а теперь предлагает с ними встречаться! Наглость какая. Да и занят я. Пишу статью в «Правду». Нет, ну какая же наглость! Прийти после всего ко мне же и меня же просить о встрече. Да ни за что!» «Я ему на это, знаете, Борис Александрович, что сказал? - продолжает Пломпер. — Кеша, — сказал я, — успокойся. Успокойся, Кеша, сядь и скажи мне, почему ты так по-свински относишься к людям? Ты не будешь свиньей. Ты сегодня пойдешь и встретишься с журналистами. Я ведь знаю эти твои фокусы, и я могу себе представить, что там было с фильмом. Ты, наверное, всю душу вымотал из кинохроники. А время идет. У них просто другого выхода не было. Ты, Кеша, не будешь свиньей. Ты пойдешь и обязательно выступишь. Ты выступишь, если ты хочешь, чтобы я был спокоен. И ты будешь долго там выступать перед ними и замаливать свои грехи. В какую газету ты пишешь статью? В «Правду»? «Правду» отложим, «Правда» может подождать. Ты пойдешь к людям, и дай мне слово, что ни копейки не возьмешь с Союза журналистов. Ни копейки! Чтобы я был спокоен». Так что Смоктуновский приедет, Борис Александрович, к вам. Приедет и денег никаких не возьмет — я с ним договорился. Приедет, но только не раньше половины двенадцатого. Он одним из последних в концерте выступает. Он там будет говорить «Быть или не быть?» Лида Плотникова тут? (Пломпер знает и Лиду Плотникову). И машина у вас есть? Ну вот пусть Лида сядет и привезет его из Дворца спорта. Он на служебном входе будет ждать».

«Конечно!» — говорит Лида. То, что произошло в «Волге», на нее не произвело никакого впечатления. Она киновед, окончила ВГИК, она человек битый, она говорит: «С удовольствием поеду и привезу». И едет. А мы решаем так: запустим Глебова и будем держать его на сцене до тех пор, пока не привезут Смоктуновского.

Но Смоктуновского привезут в половине двенадцатого, а начало вечера в семь. Делаем перерыв и тянем его, тянем, тянем...Почему? Потому что не привезли еще и Петра Глебова.

Приезжает Глебов и первым делом говорит: «Не вздумайте сказать, что я - заслуженный артист. Со вчерашнего дня я — народный». Говорим, народный, и он рассказывает, как снимался в «Тихом Доне», какой прекрасный режиссер делал картину, какой она получилась замечательной, про роскошную Аксиныю Быстрицкой рассказывает...Подробно, очень подробно, потому что мы его о Смоктуновском предупредили и сигнализируем: нету пока, не привезли.

А в фойе маячит Пломпер. Пломпер не пошел слушать Глебова, ему важно «Кешу» проконтролировать.

И вот появился «Кеша»! Успокоился Пломпер.

Настроение прекрасное у Смоктуновского! Изумительное настроение. Поздно, очень поздно, зал полон, но никто не знает, что приехал Смоктуновский. Смоктуновский переобувается в концертные туфли, переодевается и выходит на сцену, когда на ней еще Глебов. Они отлично знают друг друга. Играли в одном спектакле. В «Маленьких трагедиях» Пушкина. Моцарта играл Смоктуновский, Сальери играл Глебов... Смоктуновский — на сцене, бурные аплодисменты, и Смоктуновский приступает.

Такого вечера Самара не видела: Смоктуновский — в ударе! Рассказывает о себе, о кино, о театральной Москве. Он показывает Башмачкина гоголевского, в одну секунду после Башмачкина превращается в Бетховена. Он ослепителен! Он прекрасен! Половина третьего ночи, а Смоктуновский — в ударе.

Смоктуновский — в ударе, зал — в восторге, и в первом ряду, вытянув ноги, сидит Пломпер, который всех знает, все помнит и никогда не ошибается. Сидит с закрытыми глазами — дремлет и на устах у него блаженная улыбка. Он спокоен.

А потом в «Коммуне» — роскошная статья Гены Шабанова.

То, что произошло вечером в Доме актера в исполнении Гены Шабанова читала вся Самара. Вся! А Лида Плотникова в это время рассказывала нам, как Смоктуновский не взял у нее денег.

Деньги мы все-таки приготовили. Положили в конверт, и Лида с этим конвертом к нему отправилась. Он уже хорошо относится к ней, просит извинения за то, что произошло в гостинице, она ему говорит: «Иннокентий Михайлович, это вам» - «Ну что вы! Что вы» - говорит он ей. «Ну, хорошо. Давайте с вами, Лидочка, поступим так. Я возьму ровно на пиво».

«Решила, - рассказывала Плотникова, - отсчитать ему 22 копейки, но мелочи не было, и я дала ему рубль. Он сказал, что восемьдесят копеек с него».

Пломпер мог быть спокоен.

«Пломпер Арон Яковлевич. 1902 — после 1958. Журналист. Родился в Вельске в семье портного. В 1917 г. вступил в РСДРП, исключен в 1928г. С 1919 г. — доброволец Красной Армии. До конца 1921 был в ней политработником. В 1923 г. примкнул к троцкистам. Был одним из руководителей Московского центра. Перешел на нелегальное положение. В 1935 году официально объявил об отказе от троцкистской деятельности. С 1929 по 1940 четыре раза высылался в Ташкент, Нарым и Воркуту. С 1940 г. жил в Куйбышеве. Сотрудничал с «Волжской коммуной», работал на радио, выступал как литературный рецензент. Арестовывался в сентябре 1941г. И в мае 1949 г. Реабилитирован в 1956 году». Самарская историко-культурная энциклопедия.

«Волжская коммуна», ноябрь 2005 г.

https://vk.com/kozhin_samara